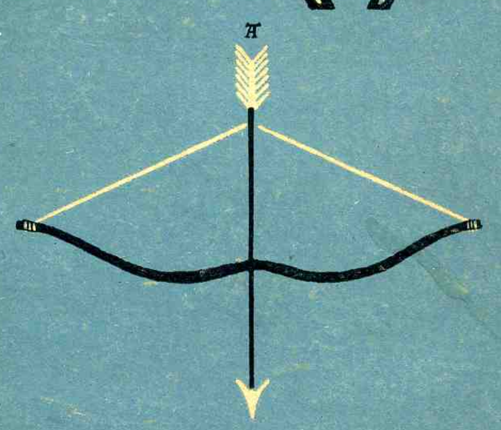
АЛЕКСАНДР
АРХАНГЕЛЬСКИЙ

ПАРОДИИ

НИКИТИНСКИЕ
СУББОТНИКИ

АЛЕКСАНДР АРХАНГЕЛЬСКИЙ

ПАРОДИИ

НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ
1929

Главлит № А-27397. Зак. 646. Тираж 5000.

Тип. „Вестник Ленингр. Облисполкома“, Ленинград, 2 Советская, 7.

П О Э Т Ы

Асеев. Бедный. Безыменский. Жаров. Инбер. Казин. Каменский.
Кириллов. Маяковский.
Орешин. Радимов.
Третьяков.
Уткин.

Н. Асеев

О ВОРОБЬЕ

Беспечною птичкою
жил воробей,
О свежем навозе
чирикая.
И вдруг — приказ:
воробей, не робей,
Революция прет
великая.
Эта весть хлестнула его,
как плеть.
Манером таким и
этаким
Он стал моментально
хвостом вертеть,
Упруго прыгать
по веткам.
Он думал: „Собой весь мир
удивлю.
Хоть ужас и колет
иголкою,
Но я, до отказа разинувши
клюв,

Стальным соловьем
защелкаю".
И вот, войдя
в поэтический раж,
Ища соловьиной
известности,
Вспорхнул воробей
на девятый этаж,
Чтоб грянуть по всей
окрестности.
Вспорхнул, но в дыму
фабричной трубы,
Вонзившейся в небо
пикою,
Сказал он: „Видать,
не уйти от судьбы,
Простите, я только
чирикаю!"

....

Демьян Бедный

ОБО ВСЕМ ПОНЕМНОЖКУ: ПРО МЕЙЕРГОГОЛЕВСКОГО „РЕВИЗОРА" И ЗЛОВРЕДНУЮ ГАРМОШКУ

Надоело писать о старом хрене,
Мистере Чемберлене.
Подумаешь, только и света в окошке!
Напишу-ка я, братцы, о гармошке.
Гармонь в настоящий момент —
Самый зловредный инструмент.
Куда ни плюнешь — в театр ли, в киношку, —
Везде попадешь в гармошку.
На гармошках всюду наяривают,
О гармошке на диспутах разговаривают,
Все за гармошкой увиваются,
На гармошке спят, гармошкой укрываются.
Намедни прохожу мимо пивной,
Слышу — играют на гармошке губной.
Ну, как тут, братцы, не закричать:
— Откуда такая мода?
Караул! Не могу молчать!
Гармошка — опиум для народа!!
А все Мейерхольдовские чудачества,
От него все качества.

Мало ему от „Кирпичиков“ разора,
Взялся за „Ревизора“.
Обкарнавши его по листику,
Развел на сцене кукольную мистику!
Показал Мейерготолевскую биомеханику,
Посеял в публике панику,
Поддался мистической блошке.
Хлестаков и тот играл на гармошке!
А ежели не играл, так вдвойне беда,
Потому — чиновничья балда.
Недаром такие речи ведутся:
Был бы „Ревизор“, а Мейерхольды найдутся!!

Играйте, голубчики, кто на чем,
А я тут, ей-ей, не при чем.

А. Безыменский

О КОМСОМОЛЕ

Кто о чем. Парнишки о поле,
У девчат на уме кино.
Ну, а я
Все о нем —
Комсомоле
Сочиняю
Поэмы
Давно.

Комсомол — не простая штука.
Не осилишь,
Кишка тонка.
Комсомолье — гранит
Плюс наука,
Плюс райком,
Учраспред и Це-Ка.

И когда катаюсь на лыжах,
И когда играю в футбол,
Мне всего согласованней, ближе

Этот самый
Мой
Комсомол.

Пусть буржуи ездят на форде,
Я вобью им осиновый кол,
Каждый день
В мажорном аккорде
Воспевая
Тебя,
Комсомол!

Мих. Герасимов

ЖЕЛЕЗНОЕ ЖЕЛЕ

Мой лоб — стальной!
Мой нос — чугунный!
Мой мозг — железистая печь!
Ремней железных шопот струнный —
Моя мозолистая речь!
Не страшен мне железный холод
В огне железного труда.
В моих руках железный молот,
В груди — железная руда.
Пылает горн, грохочет дизель
В дыму железной кутерьмы.
И я, как поп в железной ризе,
Пою железные псалмы.

МАГДАЛИНИАДА

И вот
Мне снится, снится
В тиши больших ночей
Лицо святой блудницы,
Любовницы моей.

А. Жаров—„Магдалина“.

Мне снится, снится, снится,
Мне снится чудный сон —
Шикарная девица
Евангельских времен.

Не женщина — малина,
Шедевр на полотне —
Маруся Магдалина,
Раздетая вполне.

Мой помутился разум,
И я, впадая в транс,
Спел под гармонь с экстазом
Чувствительный романс.

Пускай тебя нахалы
Ругают, не любя, —
Маруся из Магдалы,
Я втюрился в тебя!

Умчимся, дорогая,
Любовница моя,
Туда, где жизнь другая,—
В советские края.

И там, в стране мятежной,
Сгибая дивный стан,
Научишь страсти нежной
Рабочих и крестьян.

И там, под громы маршей,
В сияньи чудном дня,
Отличной секретаршей
Ты будешь у меня.

Любовь пронзает пятки.
Я страстью весь вскипел.
Братишечки! Ребятки!
Я прямо опупел!

Я, словно сахáр, таю,
Свой юный пыл кляня...
Ах, что же я болтаю!
Держите вы меня!

....

О МАЛЬЧИКЕ С ЛИШАЯМИ

О, жуткая драма!
И папа и мама
Глядят на сынка, не дыша.
У Пьера, о боже!
На розовой коже
Вскочил преогромный лишай.

Как страшно и жутко!
Несчастный малютка!
Один, без тепла и еды,
Без мамы и спальни
Окончил печально —
Вступил в беспризорных ряды.

Но люди не звери.
У девочки Вэри
Глаза, как фиалки, а лоб
Такой — только глянешь,
Дышать перестанешь
И влюбишься сразу по гроб.

Чтоб Вэри понравиться,
Лечиться отправиться
Решил Пьер хотя б на денек.

Как мудро! И что же?
У Пьера на коже
Хотя бы один лишаек!

Не трудно поверить,
Что в скорости Вэри,
Сияя фиалками глаз,
Шла под руку с Пьером.
Ведь муж ей теперь он,
Зарегистрировал Загс.

Умри и воскресни!
Родители! Если
У вас с лишаями дитя,
Пускай они гнойны,
Вы будьте покойны,
Прелестную повесть прочтя.

....

ЗАЯЦ И СЛОНИХА

Слушай, милый мальчик,
Слушай тихо-тихо.
Жил однажды зайчик,
И жила слониха.

И случилось горе,
Страсть приводит к лиху,
Серый зайчик вскоре
Полюбил слониху.

От любви терзаясь,
Меланхольный, грустный,
Сохнет бедный заяц,
Словно лист капустный.

Сердце тает льдинкой.
Как шепнуть на ушко,
Если он — дробинка,
А слониха — пушка?

Как в любви до гроба
Зайчику излиться?
Разве влезть на хобот
Да и удавиться?

Разницу не сломишь
Пылкою любовью.
Ведь не в Моссельпроме
Купишь мощь слоновью!..

Я пишу без фальши,
Правду сочиняю.
Что случилось дальше,
Я сама не знаю.

СГАРАМБА ТАРА

Сгарамба тара.
Цувама ра.
Бей, бай, гитара.
Ура! У! Ра!

Ядрена лапоть.
Мне сорок лет!
Весь мир обцапать
Должон поэт.

Такого где еще
Зум-зум найдем?
В стране солнцевеющей
Го-го поем.

Эй, Волга, Волга,
Сгарамба мать!
Тебя недолго
Стихом поймать.

Эй-гей, цувама,
Главлита стан,
Не имай срама.
Дзинь! Бум! Госплан!

В. Кириллов

ПОХОРОНЫ

Под звон трамваев я умру,
И все останется, как было,
И на кладбище поутру
Меня в гробу свезет кобыла.

Пока не сунули в дыру
И не засыпали землею,
Я, встав из гроба, удеру
С улыбкой нервною и злою.

И, убежав с кладбища прочь,
Проклятья посылая миру,
Курить я буду день и ночь
„Таис“, „Посольские“ и „Иру“.

А на другой унылый день
Мне молча сообщит газета,
Какую пёрли дребедень
Писаки памяти поэта:

„Он жил, в стихах себя развеяв,
И опочил от сих трудов,
Поэт — Владимир Тимофеев
Кириллов ста пяти годов“.

РАЗДВОЕНИЕ

Помогите, братцы!
Больше нету мочи!
Я — полукрестьянин,
Я — полурабочий.

Справа — рожь густая,
Цветики, природа,
Слева — шум моторов,
Мощный гул завода.

Справа — посиделки,
Зов родной тальянки,
Слева — цех слесарный,
Домны и вагранки.

Разрываюсь, братцы,
На две половины:
Справа — сивый мерин,
Слева же — машины.

У меня ведь, братцы,
Нету милой Маппы,
Сиротой расту я
Без родного Ваппы.

Что мне делать, братцы?
Жизнь сечет крапивой.
За авансом, что ли,
Двинуть красной нивой?

Нива моя, нива,
Нива дорогая,
Почему с тобою
Не растет другая?

Я бы днем работал,
Я не спал бы ночку, —
Все стихи писал бы...
По рублю за строчку!

РАЗГОВОР С ПУШКИНЫМ

Александр
Сергеич,
арап
московский!
Сколько
зим!
Сколько
лет!
Не узнаете?
Да это ж
я —
Маяковский —
Ин-
ди-
ви-
ду-
аль-
ный
поэт.
Разрешите
по плечу
похлопать.

Вы да я,
мы оба,
значит,
гении.
Остальные —
так —
рифмованная
копоть,
Поэтическое
недоразумение.
Вы — чудак:
Насочиняли
ямбы,
Только
вот —
печатали
не в прок.
Были б живы,
показал я
вам бы,
Как
из строчки
сделать
десять
строк.
Например:
— Мой дядя
самых
честных
правил...

Как это?
— Когда
не в шутку
занемог,
Уважать,
стервец,
себя
заставил,
Словно
лучше
выдумать
не мог...
Глянь,
и строчек
набежал
излишек.
Только вот
беда:
налоги
бьют
дубьем.
Ненавижу
фининспекторишек,
Обожаю
внутренний
заем!

МОСКВА — МАДРИД

Довольно.
Еду,
от злости
неистов,
Кроя
живопись
наших
дней.
АХРР'ы
пишут
портреты
цекистов,
Демонстративно
забыв
обо мне.
Я
любого
ростом
не ниже.
Речь
стихами
могу
сказать.

С меня
портрет
напишет
в Париже
Не аховый
АХРР,
а сам
Сезан.
Хотя не осень —
кислейший
вид.
Москва
провожает
·слезливым
глянцем.
Мамаша!
Утритесь!
Еду
в Мадрид.
Вернусь
оттуда
испанцем.
Приехал.
Ясно —
в кафе
попёр.

Про
  го
    ло
      да
        ешь
          ся,
            странствуя.

За каждым
  столиком
    тореадор.

Речь,
  конечно,
    испанская.

Уткнувшись
  в тарелку,
    ем
      спеша,

К тому же
  голод
    чертовский.

А сзади
  шопот:
    — Дон-Педро
      Ша!

Это же
  Ма
    я
      ков
        ский!!!

— Да ну?!
    — Ей-богу!
Шипит,
    как уж,
        чей-то
            голос
                гнусавый:
— Вы знаете?
    Он —
        Колонтаихин
                    муж
И внук
    Морозова
        Саввы!
Снежной
    глыбой
        ширится
            спор.
— Ваша
    испанская
        Роста
            хромает.
Он —
    из Севильи
        тореадор,
Под кличкою:
    Ковский
        Мая.

Шляпу
  схватив,
    задаю
      стрекача.
Куда там!
  И слева,
    и справа
Толпы
  испанцев
    бегут,
      крича:
— Дон
  Маяковскому
    слава!!!

Прошу
  убедительно
    граждан
      всех:
Если
  какие
    испанские
      черти
Скажут,
  что я —
    африканский
      леф,
Будьте
  любезны —
    не верьте!

....

РЖАНАЯ ДУША

Грудь моя ржаная,
Голос избяной.
Мать моя честная,
Весь я аржаной!

Лью ржаные слезы,
Утираю нос.
Синие березы!
Голубой овес!

Сяду я у речки,
Лягу у межи.
Милые овечки!
Васильки во ржи!

От тоски-злодейки
Где найду приют?
Пташки-канарейки
Жалобно поют.

Эх, сижу ль в избе я,
Выйду ль на гумно,—
Самому себе я
Надоел давно!

....

Павел Радимов

СМОРКАНИЕ

Ныне, о муза, воспой иерея — отца Ипполита,
Поп знаменитый зело, первый в деревне сморкач.
Утром, восставши от сна, попадью на перине
покинув,
На образа помолясь, выйдет сморкаться на двор.

Правую руку подняв, растопыривши веером
пальцы,
Нос волосатый зажмет, голову набок склонив,
Левою свистнет ноздрей, а затем, пропустивши
цезуру,
Правой ноздрею свистит, левую руку подняв.

Далее под носом он указательным пальцем про-
водит.
Эх, до чего ж хорошо! Так и сморкался б весь день.
Закукарекал петух, завизжали в грязи поросята,
Бык заревел и в гробу перевернулся Гомер.

С. Третьяков

СТРОЧИ, КАТАЙ!

У поэта много ударных тем,
Целый пласт лежит непочат.
Поэт отдает предпочтение тем,
Которые ррычат.
Крути рычаг.
Грызи нэпачат.
Рыжий буржуй?
Буржуя жуй.
Рифмачья слизь?
На слизь навались.
Старь
  вдарь.
Жарь.
  Шпарь.
Бей,
  Крой!
    Рви!
      Ломай!
Мамаем шагай, Май!

Американец пляшет фокстрот,
Американец сигару в рот,
А мы его —
лясь!
А мы его —
хрясь,
А мы его —
рррязь
По зубам.
Бам!
Эй, стихач, работай, не спи,
Жадным зубом пера скрипи.
Барабанний марш
На рифмы мотай,
Поэмий фарш
Пилюлей глотай.
Строчи,
Катай!
. . . . . .
Поэта питай,
Китай!

....

Иосиф Уткин

О РЫЖЕМ АБРАШЕ И СТРОГОМ РЕДАКТОРЕ

И Моня и Сема кушали.
А чем он хуже других?
Так, что трещали заушины,
Абраша ел за двоих.

Судьба сыграла историю,
Подсыпала чепухи,
Прочили в консерваторию,
А он засел за стихи.

Так что же? Прикажете бросить?
Нет — так нет.
И Абрам, несмотря на осень,
Писал о весне сонет.

Поэзия — солнце на выгоне,
Это же надо понять.
Но папаша кричал:
— Мишигинер! [1]
— Цудрейтер! [2]
Кричала мать.

---

[1] Сумасшедший.
[2] Ненормальный.

Сколько бумаги испорчено!
Сколько ночей без сна!
Абрашу стихами корчило.
Еще бы,
Весна!

Счастье — оно, как трактор.
Счастье не для ворон.
Стол.
За столом редактор
Кричит в телефон.

Ой! какой он сердитый!
Боже ты мой!
Сердце, в груди не стучи ты,
Лучше сбежим домой.

Но дом—это кино-драма,
Это же иомкипур! [1]
И Абраша редактору прямо
Сунул стихов стопу.

И редактор крикнул кукушкой:
— Что такое? Поэт?
Так из вас не получится Пушкин!
Стихи — нет!

Так что же? Прикажете плакать?
Нет — так нет.
И Абрам, проклиная слякоть,
Прослезился в жилет.

---

[1] Судный день.

Но стихи есть фактор,
Как еда и свет.
— Нет, — сказал редактор.
— Да, — сказал поэт.

Сердце, будь упрямо,
Плюнь на всех врагов.
Жизнь — сплошная драма,
Если нет стихов.

Сколько нужно рифм им?
Сколько нужно слов?
Только б сшить тахрихим [1]
Для редакторов!

....

[1] Саван.

ХАЛТУРНОЕ

Не мало в году исторических дат
В стихах воспевают поэты.
Но их вдохновенью не нужно затрат,
Спасают певцов трафареты.

К чему над бумагой ночами корпеть?
Зачем отдаваться заботам?
Пииты давно приспособились петь
По старым испытанным нотам.

И вот на страницах журналов, газет,
Бряцая и сталью, и медью,
Покорных читателей кормит поэт
Своею рифмованной снедью.

8-е марта.

Международный женский день
С стране свободного народа!
Для городов и деревень
Сияет красная свобода!

О, женщины! Свергайте гнет!
О, будьте бодры вы и яры!
Плечо к плечу, всегда вперед!
Ведут вас к счастью коммунары!

1-е мая.

Какой прекрасный, красный день
В стране свободного народа!
Для городов и деревень
Сияет красная свобода.

Где старой жизни тяжкий гнет?
Все бодры, веселы и яры,
Идут под музыку вперед,
И в авангарде — коммунары!

Мюд.

Румяный, рдяный, юный день
В стране свободного народа!
Для городов и деревень
Сияет красная свобода.

Мы свергнем капитала гнет!
Мы крепки, молоды и яры!
Итти вперед, всегда вперед,
Даем вам клятву, коммунары!

7-е Ноября.

День Октября! Великий день
В стране свободного народа!
Для городов и деревень
Сияет красная свобода.

Где старой жизни тяжкий гнет?
Все бодры, веселы и яры.
Всегда вперед, вперед, вперед
Шагают мощно коммунары!

* * *

Распродан товар и, почив от трудов,
Поэт не гнушается прозы.
А в новом году он, как прежде, готов
Стучать на машинке стихозы.

Но станет ли тратить энергию бард,
Пиша юбилейные оды?
Фабричной работе полезен стандарт
На долгие, долгие годы.

И в новом году на страницах газет,
Бряцая и сталью, и медью,
Покорных читателей кормит поэт
Своей прошлогоднею снедью.

....

ОКТЯБРИНЫ

1. *В. КАЗИН*

Плывут, звеня весенним звоном, льдины,
И вторит им души моей трезвон.
Сегодня утром был я приглашен
И вечером пойду на октябрины.

Жизнь без детей для многих очень тяжка
И страшна, как любовная тоска,
Но мой любимый дядюшка—портняжка
Семен Сергеич—произвел сынка.

Ах, дядюшка! Какие только штуки,
Придя ко мне, не вытворяет он!
То вдруг мои разглаживает брюки,
То из бутылки тянет самогон.

Ах, дядюшка! Но вы его поймете
И не осудите профессии недуг,
Тем более, что очень часто тетя
Озлясь швыряет в дядюшку утюг.

Плывут, звеня весенним звоном, льдины,
И вторит им души моей трезвон.
Сегодня утром был я приглашен
И вечером пойду на октябрины.

2. *Н. АСЕЕВ*

Прежде
Крестили:
Поп —
Клоп
Ново-
рожденного
Хоп,
Хлоп
В чашу
С водою.
Куп,
Хлюп.
Живо
Плати
Руп.

Сказал
Рабочий
Класс:
— Пас!
Старое
Ерунда-с,
Да-с.

Крестят
Только
Рабы
Лбы.
Новый
У нас
Быт.

Если
Жена
Родила
Дочь,
Вмиг
Уведи ты
От зла
Прочь.
Беги
В ячейку
Во всю
Мочь.
Голову
Не морочь.

Там
Агитатор
Сов-
Поп
Живо
Отпустит
Слов
Скоп.

Проинструктирует
Твой лоб,
Как
Велит
Агитпроп.

Прежних
Дней
Поповство
Отринь.
К чорту
Церковь
И ладона
Синь.
Нам
Не надо
Рабов
И рабынь.
Впредь
Детей
Октябринь!

....

3. *В. МАЯКОВСКИЙ*

Вам —
сидящим
в мещанства,
болоте,

Целующим
пуп
у засохшего
попика!

Оббегайте
землю,
если
найдете

Такое
на полюсах
или
на тропиках.

Завопит
обыватель
истошным
криком:

— Жена родила! —
и в церковь
ринется,

А я,
Семену
Родову
в пику,

В любой
ячейке
готов
октябриниться.

Плевать
на всех
идиотиков,

Жующих
жвачку
в церковном
доме!

Других
октябрин
вы не
найдете —

Нигде
кроме
как в Моссельпроме!

4. „*КРЕСТЬЯНСКИЙ*“ *ПОЭТ*

Ветер с изб разметает солому
И качает вершины осин.
Веселиться кому-то другому,
Мне сегодня не до октябрин.

Ах, зачем народился парнишка:
Значит муж целовался с женой.
Ну, а мне—одинокому—крышка.
Октябрины справляю в пивной.

Гармонист раздувает гармошку,
Штопор вытащил пробку как зуб.
Я прильну поцелуем к окошку
Штемпелеванной мягкостью губ.

Октябрины! Тоска разливная!
Не найти мне родного угла.
Моссельпромовская пивная,
До чего ж ты меня довела!

В. Маяковский

СКАЗКА ДЛЯ ДЕТЕЙ

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

У самого
берега
жил
рыбак.

Направо—
море,
налево—
дом.

Каждое
утро
рыбак
натощак

Рыбку
ловил
неводом.

Ловил,
и какого еще
рожна!

Ухи
похлебать
теперь бы.
Но была
у него
старуха
жена.
Хуже
не сыщешь
стервы!
Золотую
рыбку
поймал
рыбак,
Не чуя
скверной
истории.
И вот
попал
к жене
под башмак,
Чтоб ей
сгореть
в крематории!
Семейная жизнь
превратилась
в содом—

Рыбак
    вареного
        рака
            ошпаренней.

То выстрой
    старухе
        изящный
            дом,

То сделай
    ее
        барыней!

Барыней побыла,—
            требует,
                чтоб

Звали ее
    царицею.

Рыбаку впору
    спрятаться
        в гроб,

Ползает
    мокрой
        мокрицею.

Мне
    попадися
        такая
            жена —

Зануда
старого
быта—
Я б как гаркнул:
— „Цыц, сатана!
Сиди
у разбитого
корыта!“
Я бы разделал
ее
под орех,
Моргнуть
не посмела б
глазом...
Читайте
журнал
„Бывший Леф“
И—
никаких
сказок!

О КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ

У Красной Шапочки
Не ножки, а ноженьки,
Не ручки, а лапочки
Беленькой коженьки.

На щечечке ямочка,
Ротик малюсенький.
Шапочку мамочка
Послала к бабусеньке.

Отправилась душечка,
Крошка манюнечка.
В лесу—избушечка,
В избушке—бабунечка.

—„Бон жур, бабусенька!
Отчего твои глазики
Такие круглюсенькие,
Как медные тазики?

Почему твоя рученька
Длинная, длинная?..“
Бедная внученька,
Крошка невинная!

Волк отвратительный,
Сцапав в охапочку,
Скушал решительно
Красную Шапочку.

Деточки-крошечки,
Мальчики, девочки,
Милые кошечки—
Верочки, Севочки!

Вы слышали драму
Про Красную Шапочку.
Слушайтесь маму!
Слушайтесь папочку!

Иосиф Уткин

СКАЗКА О РЕПКЕ

Для сказки надо зацепку.
Зацепку? Так что из того!
Посеял Мотеле репку,
И выросла репка — во!

Мотеле репку тянет —
Попробовать захотел!
Потянет, потом перестанет,
Прямо-таки вспотел!

Так трудно тянуть в одиночку.
И день проходит, и ночь.
Вот Мотеле кличет дочку,
Внучку, Жучку и проч.

И после такого подхода —
Семья ведь это же трест! —
Нет в земле корнеплода,
И Мотеле репку ест.

Дети! Запомните крепко:
Мудрость выше борща!
В одиночку сажайте репку,
А тяните ее сообща!

БЕЛЛЕТРИСТЫ

**Бабель. Гладков. Зозуля.
Зощенко. Калинников.
Клычков. Малаш-
кин. Рома-
нов.**

—

МОЙ ПЕРВЫЙ СЦЕНАРИЙ

Беня Крик, король Молдаванки, неиссякаемый налетчик, подошел к столу и посмотрел на меня. Он посмотрел на меня, и губы его зашевелились, как черви, раздавленные каблуками начдива восемь.

— Исаак,—сказал Беня,— ты очень грамотный и умеешь писать. Ты умеешь писать, об чем хочешь. Напиши, чтоб вся Одесса смеялась с меня в кинематографе.

— Беня,—ответил я, содрогаясь,—я написал за тебя много печатных листов, но, накажи меня бог, Беня, я не умею составить сценариев.

— Очкарь! — закричал Беня ослепительным шопотом и, вытащив неописуемый наган, помахал им: — Сделай мне одолжение, или я сделаю тебе неслыханную сцену!

— Беня, — ответил я, ликуя и содрогаясь, — не хватай меня за грудки, Беня. Я постараюсь сделать, об чем ты просишь.

— Хорошо, — пробормотал Беня и похлопал меня наганом по спине.

Он похлопал меня по спине, как хлопают жеребца на конюшне, и сунул наган в неописуемые складки своих несказанных штанов.

За окном, в незатейливом небе, сияло ликующее солнце. Оно сияло, как лысина утопленника, и, неописуемо задрожав, стремительно закатилось за невыносимый горизонт.

Чудовищные сумерки, как пальцы налетчика, зашарили по несказанной земле. Неисчерпаемая луна заерзала в ослепительном небе. Она заерзала, как зарезанная курица, и, ликуя и содрогаясь, застряла в частоколе блуждающих звезд.

— Исаак,—сказал Беня,—ты очень грамотный и ты носишь очки. Ты носишь очки и ты напишешь с меня сценарий. Но пускай его сделает только Эйзенштейн. Слышишь, Исаак?

— Хвороба мне на голову! — ответил я страшным голосом, ликуя и содрогаясь.—А если он не захочет? Он работает из жизни коров и быков и он может не захотеть, Беня.

— ...в бога, печенку, селезенку! — закричал Беня с ужасным шопотом. — Не выводи меня из спокойствия, Исаак! Нехай он крутит коровам хвосты и гоняется за бугаями, но нехай он сделает с моей жизни картину, чтоб смеялась вся Одесса: и Фроим Грач, и Каплун, и Рувим Тартаковский, и Любка Шнейвейс.

За окном сияла неистощимая ночь. Она сияла, как тонзура, и на ее неописуемой спине сыпь

чудовищных звезд напоминала веснушки на лице Афоньки Бида.

— Хорошо, — ответил я неслыханным голосом, ликуя и содрогаясь. — Хорошо, Беня. Я напишу с твоей жизни сценарий, и его накрутит Эйзенштейн.

И я пододвинул к себе стопу бумаги. Я пододвинул стопу бумаги, чистой, как слюна новорожденного, и в невообразимом молчании принялся водить стремительным пером.

Беня Крик, как ликующий слепоглухонемой, с благоговением смотрел на мои пальцы. Он смотрел на мои пальцы, шелестящие в лучах необузданного заката, вопиющего, как помидор, раздавленный неслыханным каблуком начдива десять.

....

Ф. Гладков

ГЛАВЦЕМЕНТ

I

Брачная неувязка.

Как и тогда булькотело и дышало нутряными вздохами море, голубели заводские трубы, в недрах дымились горы, но не грохотали цилиндры печей, не барахолили бремсберги и в каменоломнях и железо-бетонных корпусах шлендрали свиньи, куры, козы и прочая мелкобуржуазная живность.

Глеб Чумалов вернулся к своему опустевшему гнезду, на приступочках которого стояла жена Даша и шкарабала себя книгой „Женщина и социализм" сочинения Августа Бебеля.

У Глеба задрожали поджилки и сердце застукотело дизелем. Рванулся к ней.

— Даша! Жена моя!

Обхватил могучей обхваткой так, что у нее хрустнули позвонки, и с изумлением воскликнул:

— Дашок! Шмара моя красноголовая! Да ты никак дышишь не той ноздрей?

Ответила строго, организованно:

— Да, товарищ Глеб. Ты же видишь, я — раскрепощенная женщина-работница и завтра чуть свет командируюсь лицом к деревне по женской части. Успокой свои нервы. Не тачай горячку. Заткнись.

Глеб вздохнул тяжелым нутряным вздохом. Натужливо хмыкнул от удивления.

— Шуганула ты меня, Дашок, на высокий градус, так, что и крыть нечем. Ну что ж, займусь восстановлением завода на полный ход.

II

Блатная музыка.

Бузотерили и матюгались слесаря, бондаря, кузнецы и электрики. Балабонили всем гамузом, дышали нутряными вздохами и разлагались на мелкобуржуазные элементы.

Глеб сорвал с головы свой геройский шлем и шваркнул им о земь. Крикнул громовым голосом:

— Братва! Как я есть красный боец гражданского фронта и стою на стреме интересов цементного производства, то буду вас крыть, дорогие товарищи, по чем зря, будь вы четырежды четыре анафема прокляты, шкурники и брандахлысты. Правильно я кумекаю, шпана куриная?

Словно ток с электропередачи прошел по сердцам бондарей, слесарей, кузнецов и электриков. Единогласно, коллективно воскликнули:

— Верно, ядри твою корень!

— Фартовый парень, едят его мухи с комарами!

— Свой в доску!

— Дрызгай на все на рупь на двадцать!

— Крой дело на попа!

Глеб вздохнул радостным нутряным вздохом. Громогласно воскликнул:

— Братва! Дербанем производство за жабры! Треснем, а завод чекалдыкнем!

III

За работой.

На высокий градус вскипели дни. Глеб, как скаженный, мотался из завкома в исполком, из исполкома в совнархоз, из совнархоза в госплан, из госплана в СТО.

Грохотал в завкоме:

— Грохайте хабардой, дорогие друзья! Не то живо к стенке поставлю!

Громыхал в исполкоме:

— Не балабоньте, глотыри, так вашу раз этак!

Буркотел в совнархозе:

— Пришью вас к стенке, куклы полосатые!

Ободрял, подначивал, брякал по башкам, чебурахал по затылкам, дрызгал по хайлам и в конце концов добился своего.

Задымились голубые трубы, застукотели маховики, забарахолили цилиндры печей, загрохотали бремсберги, и колеса электропередачи закружились в разных пересечениях, наклонениях, спряжениях, числах и падежах.

IV

Апофеоз.

Наверху, на ажурной вышке, стоял Глеб, а внизу — в недрах и на склонах, в ущельях и под несметные толпы толп, чествуя самоотверженного бойца за цементное дело, копошились, булькотели, шваркали, бумкали, полыхали плакатами и знаменами, издавая восторженные нутряные гулы, под звон колоколов духового оркестра в двадцать два человека с барабанщиком.

Ефим Зозуля

РАССКАЗ ОБ ЯКЦИДРАКЕ И ПОЭТАХ

1. Были расклеены приказы.

Все было на своем месте. Небо на небе. Мостовая на мостовой. Лишь агенты Коммунхоза бегали по городу с высунутыми языками и расклеивали приказы.

Их текст был необычен, лаконичен и прозаичен.

Вот он:

„Всем. Всем. Всем.

„Право на писание стихов дается исключительно Коллегией Присяжных Оценщиков.

„Поэты, признанные ненужными, погребаются в Редакционной Корзине“.

„Примечания. 1. Настоящий приказ безапелляционен. Рифмованный мусор, засоряющий наши журналы, должен быть беспощадно уничтожен.

„2. Прием стихотворных рукописей и выдача поэтам авансов категорически воспрещается“.

2. Характеристики ненужных.

Характеристики ненужных хранились в старом, сером, полотняном портфеле, имевшем идиотский вид человека, побывавшего на олимпиаде поэтов.

Характеристики были активны, примитивны и объективны.

Вот некоторые из них:

Ненужный № 4711.

Пишет стихи без году неделя. Любви к писанию нет. Когда напивается, ругает всех самой заурядной прозой. Гордится своим рабоче-крестьянским происхождением. Таланта никакого. В корзину.

Ненужный № 1927.

Ежедневно обедает в столовой Союза Писателей. Написал неоконченную поэму и полтора стихотворения. Тем не менее считает себя величайшим поэтом современности. Любит выступать на литературных вечерах. В редакциях рассказывает неприличные анекдоты и клянчит авансы. В корзину.

Ненужная № 4515.

Девица. Малокровна. Учится на литкурсах. Обожает Есенина. Весит пять пудов. Заветная мечта—выйти замуж и нарожать дюжину детей. Пытается писать стихи, но безуспешно. В корзину.

3. Сомнения Якцидрака.

Коллегия Присяжных Оценщиков нашла Якцидрака сидящим в Редакционной Корзине.

— Я начинаю сомневаться,—сказал он.—Когда упраздняешь стихоплетов, приходишь к выводу, что нужно угробить половину человечества. Я боюсь, что, перестав заниматься поэзией, они начнут изучать сапожное ремесло. Это ужасно! Они испортят все кожи, и человечество будет ходить босиком.

Якцидрак вздохнул и скорбно высморкался.

В городе начался хаос.

Ненужные, ничтожные поэтики, которых еще не успели угробить в Редакционной Корзине, воспрянули духом и обнаглели до того, что открыто стали писать стихи, выступать на литературных вечерах и даже печататься.

Поздравляли друг друга.

— Кончено! Ура!

— Проверка прав на писание стихов прекратилась!

— Какое счастье!

— Смотрите, расклеивают новые приказы!

4. Опять были расклеены приказы.

Их текст был понятен, приятен и деликатен.

Вот он:

„Всем. Всем. Всем.

„С момента опубликования настоящего приказа писать стихи разрешается всем. Пишите и печатайтесь.

„Коллегии Наивысшей Деликатности в составе Воронского, Жица и Фатова вменяется в обязанность хвалить поэтов и благословлять их на дальнейшее рифмачество“.

5. Писали.

Жизнь стала нормальной. Писание стихов сделалось легким, как ковыряние в носу.

Писали: грамотные и неграмотные, старики и младенцы, билетерши кино и делопроизводители Наркомздрава, статистики и сапожники, управдомы и агенты по сбору объявлений.

Писали: импрессионисты и экспрессионисты, имажинисты и конструктивисты, люминисты и неоромантики, неоклассики и беспредметники, лефовцы и перевальцы.

Члены Коллегии Наивысшей Доброжелательности обходили поэтов и спрашивали, как они поживают.

Одни самодовольно радовались:

— Благодарю вас. Я заготовил четыре тысячи рифм, еще не бывших в употреблении.

— А я написал небольшую поэмку в тысячу двести строф. Семистопным ямбом.

Другие жаловались:

— Понимаете, в редакции „Красного Чернозема“ мне отказали в авансе. Чорт знает, что такое! Жрать-то ведь надо!

Третьи возмущались:

— Безобразие! Вчера впервые написал стихотворение в двенадцать строк и до сих пор нет хвалебной рецензии! Что же, мне самому хвалить себя, что ли?

5. Конец рассказа.

Якцидрак залез в Редакционную Корзину и умер.

Умер навсегда.

И поэты, которых так невыносимо много в городе, среди которых мало настоящих, но много хлама, до сих пор продолжают свое ужасное ремесло так, точно никакого Якцидрака никогда не было и никто никогда не поднимал насущнейшего вопроса о праве на писание стихов.

СЛУЧАЙ В БАНЕ

Вот, братцы мои, гражданочки, какая со мной хреновина вышла. Прямо помереть со смеху.

Сижу это я, значит, и в роде как будто смешной рассказ сочиняю. Про утопленника.

А жена говорит:

— Что это, — говорит, — елки-палки, у тебя, между прочим, лицо индиферентное? Сходил бы,— говорит,—в баньку. Помылся.

А я говорю:

— Что ж,—говорю,—схожу. Помоюсь.

И пошел.

И что ж вы, братцы мои, гражданочки, думаете? Не успел это я мочалкой, извините за выражение, спину намылить, слышу — караул кричат.

„Никак, — думаю, — кто мылом подавился или кипятком ошпарился?"

А из предбанника, между прочим, человечек выскакивает. Голый. На бороде номерок болтается. Караул кричит.

Мы, конечно, к нему. В чем дело, спрашиваем? Что, спрашиваем, случилось?

А человек бородой трясет и руками размахивает.

— Караул,—кричит,—у меня пуп сперли!

И действительно. Смотрим, у него вместо пупа—голое место.

Ну, тут, конечно, решили народ обыскать. А голых обыскивать, конечно, плевое дело. Ежели спер что, в рот, конечно, не спрячешь.

Обыскивают. Гляжу, ко мне очередь подходит. А я, как на грех, намылился весь.

— А ну,—говорят,—гражданин, смойтесь.

А я говорю:

— Смыться, — говорю,—можно. С мылом, — говорю,—в подштанники не полезешь. А только,—говорю,—напрасно себя утруждаете. Я,—говорю,—ихнего пупа не брал. У меня,—говорю,—свой есть.

— А это,—говорит,—посмотрим.

Ну, смылся я. Гляжу,—мать честная! Да никак у меня два пупа!

Человечек, конечно, в амбицию.

— Довольно, — кричит, — с вашей стороны нахально у трудящихся пупы красть! За что,—кричит,—боролись?

А я говорю:

— Очень,—говорю,—мне ваш пуп нужен. Можете,—говорю,—им подавиться. Не в пупе,—говорю,—счастье.

Швырнул это я, значит, пуп и домой пошел. А по дороге расстроился.

— А вдруг,—думаю,—я пупы перепутал? Вместо чужого свой отдал?

Хотел было обратно вернуться, да плюнул.

Шут, — думаю, — с ним. Пущай пользуется. Может, у него еще что сопрут, а я отвечай!

....

Братцы мои! Дорогие читатели! Уважаемые подписчики!

Никакого такого случая со мной не было. Все это я из головы выдумал. Я и в баню сроду не хожу. А сочинил я для того, чтоб вас посмешить. Чтоб вы животики надорвали.

Не смешно, говорите? А мне наплевать!

Сергей Клычков

КЛЫЧКУХИНСКИЙ ЧЕРТЯКИРЬ

Эх, теперь не те времена, что допрежь были. Теперь народ образованный, на лисапетах ездит, друг дружку по проволоке за тридевять земель словогонами хает. А чтоб с чортом за ручку поздоровкаться, али домового со днем ангела поздравить—и думать не моги. Гордый нынче народ пошел, едят его мухи с комарами!

А ежели раскумекать, так нешто без чертей жить можно? Лешогоны, да оборотни, да русалки для нашего брата, клычкухинского писателя, самое что ни на есть разлюбезное дело.

Выйдешь в ополночь на лесную прогалину — экая благодать! — зайчья на поляне скачет не разбери-бери. Почитай, тысчи полторы будет. Зайчихи, словно девки, хоровод водят, песни поют и калган нюхают.

А уж чертячины этой—видимо-невидимо—инда глаза свербят. А в ушах звон— то ли главчорт Анчутка соловьем причмокивает, то ли ведьма кукушкой кукует. Шут его разберет!

Конешно, городскому все черти на один лад. У городского глаз порченный и плоть пришибленная. Ан черти-то разные бывают. У иного

бородка штопором, у иного хвост загогулиной. А бывают и такие — ни бороды, ни хвоста, кругл, как бабье колено. Одно слово... сунгуз.

Иной маловер усомнится и головой покачает. Дескать, мели, Емеля,—твоя неделя.

А мне што. Пойди-ка, проверь! Окромя пней да шишек еловых ничего не увидишь. Потому черти народ дошлый. В городах, может, и есть, а, может, и нет. А в Клычкухине их тьма-тьмущая. И каждый мне сват и брат, и с каждым у меня разговор душевный.

Недаром и кличут меня по всей округе—клычкухинский чертякирь.

ПРОБЛЕМА ПОЛА

Когда профессор узнал, что жене известно, что он знает, что у нее семь любовников, он забеспокоился, чтоб она не подумала, что он из-за этого мучается, и что ему нужно изложить ей свой взгляд на подобную ситуацию.

Отодвинув в сторону свой научный труд о половой жизни инфузорий, профессор прошел в спальню жены.

Жена лежала на кушетке в стыдливой позе, а вдоль стены, в порядке строгой очереди, как на приеме у врача, сидели все семь любовников.

— Извиняюсь,—сказал добродушно профессор, потирая лысину.—Ради бога, не подумайте, что я думаю, что это предосудительно. С точки зрения законов природы в этом нет ничего дурного. Только мораль рабов требует моногамии. Мы же, передовые, просвещенные интеллигенты, знаем, что любовь есть одна из естественных надобностей, которая...

Профессор говорил долго и умно, но вдруг ему пришла в голову мысль, что он пришел, в сущности, к занятым людям и мешает им. И он

сконфузился и, чтобы не показаться бестактным и назойливым, участливо спросил:

— Не тяжела ли тебе такая нагрузка?

— Нет, милый, — целомудренно ответила жена, — ты же знаешь, что я — женщина и душа у меня цветет.

Жена была очень целомудренна и не сказала, что у нее есть еще столько же любовников, чтобы он не подумал, что она какая-нибудь развратная.

— Ты — святая женщина, — сказал профессор растроганно. — Я, как передовой, просвещенный интеллигент, понимаю уклоны твоей души и осуждаю обывательскую мораль, которая...

Профессор опять говорил долго и умно, но вдруг ему пришла в голову мысль, что жена не только святая, но и передовая женщина, которая умеет сопрягать интересы своей личности с интересами коллектива.

И он подошел к жене и, целуя ее в лоб, ласково сказал:

— Ну, бог в помощь. Только не переутомляйся, пожалуйста!

„Старый чорт! — злобно подумала жена, — долго ли ты будешь тут вертеться?“ — а вслух сказала: — Какой ты умный и хороший! Ты действительно передовой, просвещенный интеллигент с широким кругозором.

Профессор повернулся, чтобы уйти, но вдруг ему пришла в голову мысль, что его уход может быть понят, как демонстрация мужа, ревнующего свою жену.

Чтоб доказать, что он, как передовой интеллигент и просвещенный половой человек, выше обывательской морали, он прошел в конец спальни и уселся на восьмом стуле, в позе человека, ожидающего своей очереди.

С. Малашкин

МОДНЫЕ РАССКАЗЫ

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ МОЛОДНЯК, ИЛИ ЛУНАТИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ КОМСОМОЛКИ КЛЕОПАТРЫ ГОРМОНОВОЙ

...Чтобы понравиться Антону, я надела тюлевые трусики, накрасила губы и, закурив трубку, уселась в соблазнительной позе, положив ноги на стол и поплевывая через левое колено.

Увидев меня, Антон ужасно смутился, страшно покраснел, потом побледнел, и на носу у него выступили большие розовые пятна величиной с антоновское яблоко.

Мои голые ноги сияли лунами, и от них исходил запах весны, чернозема и яичного мыла. Мне захотелось подойти к Антону, обнять его мужественные колени, но вместо этого я вызывающе расхохоталась порочным смехом прямо ему в лицо и, виляя бедрами, насмешливо сказала:

— Что ж вы сидите, словно вы не мужчина, а пионер?

Антон страшно смутился, ужасно побледнел, потом покраснел, болезненная судорога прошлась по его лицу; грустно опустив голову, он глухо прошептал, поднявшись и идя к дверям:

— Вы деклассированный элемент и мне больно смотреть на вас.

Я подбежала к нему и, задыхаясь, крикнула:

— Шутка все, что было! Уйдешь—я умру!..

Он повернулся, схватил меня, и я почувствовала, как его губы слились с моими в горячем поцелуе...

Пахло Достоевским, мочеными яблоками и пятым изданием.

И. Калинников

МОНАСТЫРСКАЯ ИДИЛЛИЯ

Обновление мощей святителя Иосифа было назначено в воскресенье, день пригожий, радостный и благоуханный.

Послушник Саврасий, осенив себя крестным знамением, повалил на траву, влажную и зеленую, Олимпиаду многопудовую, мягкоперинную, сорвал с нее платье шелковое, праздничное и приложился к телу пышному и сдобному.

Благостно перекликались колокола, доносились звуки священного песнопения, умилительные и елейные...

И опять, осенив себя крестным знамением, повалил Саврасий на траву, смятую и усохшую, Олимпиаду, сомлевшую и распаренную, и припал к телу ее с ликованием радостным и великим.

И так далее, пока не иссякнут чернила.

СТАЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ

В слесарном цехе, в углу, крепко прижавшись друг к другу, сидят работница Маша и рабкор Павел.

На их лицах отблески доменных печей, вагранок и горнов. Моторами стучат сердца. Шепчет Павел:

— Машук! Краля моя сознательная! Для тебя я построю завод, оборудованный по последнему слову техники. В каждом цехе будет бак с кипяченой водой и в каждом окне — вентилятор.

Шепчет Павел. Чувствует теплоту ее крепкой, круглой, словно выточенной на токарном станке груди. Охваченный творческим порывом, декламирует:

> В слесарном цехе скребутся мыши.
> В слесарном цехе, где сталь и медь,
> Хочу одежды с тебя сорвать я,
> Всегда и всюду тебя иметь...

Маша склоняет голову на могучую грудь Павла и . . . .

Победно гудят гудки. Вздымаются горны. Пышут вагранки.

Алое знамя зари сквозь пыльные окна слесарного цеха благословляет пролелюбовь, крепкую, как сталь, и могучую, как паровой молот.

....

КОЧЕТИНАЯ СУДОРОГА

Прошедший дождь только что оплодотворил землю, и она буйно рожала технические культуры и корнеплоды.

На случном пункте ржали племенные жеребцы, сладострастно хрюкали хряки, дергались судорогой кочеты.

Матвей подошел к Акулине и, схватив ее в могучие черноземные объятья, зашептал на ухо:

— Акуль, а Акуль! Пойдем, что ли?

— Пусти, охальник! — притворно грозно крикнула Акулина, а сама почувствовала, как в сладкой истоме закружилась голова и волны горячей крови подкатили к сердцу.

Матвей потащил ее к овину, на ходу торопливо бормоча:

— Ты, Акуль, не ломайся. Читатель ждет. Читатель нынче такой, что без этого нельзя. Потрафлять мы должны читателю. У него, чай, уж слюнки текут. Потарапливайся! . . . .

Растерянно ржали жеребцы, грустно кукарекали петухи, укоризненно хрюкали свиньи и целомудренно отворачивались от овина.

Пели пташки. Автор получал повышенный гонорар сразу в четырех издательствах.

. . . .

КОМПИНКЕРТОН

> Я имел случай... выступить с предложением коммунистического Пинкертона, я и сейчас стою на той же точке зрения.
>
> *Н. Бухарин.*

— А, действительно, — подумал товарищ Октябрев, старый партийный работник,—хорошо бы описать свою жизнь. Сколько приключений! Как много захватывающих моментов! Подполье, ссылка, побег, революция, гражданская война. Есть что порассказать молодым коммунистам. Да жаль— нет времени!

Октябрев посмотрел в записную книжку, где в отделе „для памяти" под сегодняшним числом было записано: „Междуведомственное совещание, комиссия по организации Дома отдыха, ячейка, доклад на заводе, лекция в партшколе, статья в газету..."

— Когда уж писать! — вздохнул он и заторопился на междуведомственное совещание...

— Эврика! — воскликнул литератор Чегоизволин, прочтя о коммунистическом Пинкертоне. — Есть такое дело! Тут пахнет не одним десятком

червяков. Пока „они“ раскачаются, я им таких Пинкертонов наделаю, что пальчики оближешь!

Он присел к столу, вытащил бумагу, схватил перо и принялся строчить:

ТАИНСТВЕННОЕ ПОДПОЛЬЕ, ИЛИ ПОХОЖДЕНИЯ КОММУНИСТА.

Роман в 35 главах.

Глава 1-я.

Священная клятва.

Черная, как самодержавное правительство, ночь висела над Петербургом, когда в одном из рабочих кварталов старый партийный работник Ортодокс Большевиков спустился в подвал, где его ждали старые партийные работники со стажем с 1889 года.

— Товарищи! — вскричал, входя, Ортодокс. — Наступил великий час! Поклянемся Марксом и Энгельсом, что завтра же свергнем власть буржуазии!!

— Клянемся! — вскричали старые партийные работники, потрясая оружием.

За окнами завывала метель. Метались тени сыщиков, полицейских и жандармов. Внезапно раздался залп. Ортодокс бросил бомбу и, воспользовавшись суматохой, выскочил в окно.

Глава 15-я.

Неразделенная любовь.

Преследуемый сыщиками, жандармами и полицейскими, Ортодокс вскочил в парадное особняка на Галерной гавани и быстро взобрался на чердак. Но только он переступил порог, как чьи-то руки схватили его за шею и женский голос сказал:

— Не бойтесь, товарищ, это я—товарищ Анна, старая партийная работница с 1890 года.

— Это ты?! — вскричал Ортодокс, — ты тоже спасаешься от шпиков и наглого произвола жандармов? Так вот что я скажу тебе. Я люблю тебя! Будь моей гражданской женой, согласно нашей старой партийной программе!

— Нет!—твердо ответила Анна.—Разве можно говорить о любви, когда не свергнут существующий строй? Я буду твоей только тогда, когда ты организуешь социальную революцию.

— Да? — вскричал Ортодокс. — Хорошо! — И прыгнул в слуховое окно.

Глава 21-я.

В когтях зверя.

— Ага, попались! — вскричал поручик Белогвардейкин, втаскивая связанных по рукам и ногам Анну и Ортодокса.

— Готовьтесь, красные собаки, к смерти!

Поручик был пьян. Он высморкался в трехцветное знамя и запел „боже, царя храни“, заряжая браунинг.

— Анна! — прошептал Ортодокс, — скорее перегрызи веревки, связывающие мне руки.

Едва поручик прицелился и стал нажимать курок, как ловким ударом Ортодокс выбил у него оружие и повалил его на пол.

— Спасайся!—крикнул он Анне, прыгая в окно.

Глава 35-я.

Женщина—не зверь кровожадный.

— Итак, — улыбаясь, сказал Ортодокс, — ты моя жена!

— Твоя до гроба,—прошептала Анна, стыдливо опуская глаза.

Они сидели в уютной комнате, полученной по ордеру жилотдела. В камине уютно потрескивали дрова, полученные из райтопа, уютно горело электричество.

— Как хорошо! — сказал мечтательно Ортодокс.—Говорят, что женщина — зверь кровожадный. Как это неверно!

— Ну, конечно, милый!—ответила Анна. — Какой же я зверь? Я твоя маленькая женка!

Ортодокс обнял Анну, и их губы слились в горячем старом партийном поцелуе.

Через месяц в книгоиздательстве „Лови момент“ вышла новинка: „Таинственное подполье“, сочинение Чегоизволина.

Книжонка попала в руки товарища Октябрева. Он прочел ее и, швырнув, с досадой сказал:

— Чорт знает, что такое! И этой макулатурой пичкают рабочих! Почему не пишут наши партийные товарищи? Не понимаю!

....

ФЕЛЬЕТОНИСТЫ

Зорич. Кольцов. Сосновский.

Шкловский.

А. Зорич

ПОЯСНИЦА

Онуфрий Кочерга, девяностолетний старец, старик, дед, крестьянин, старожил села Поросячьи Хвосты, отстоящего от уездного центра на расстоянии тридцати верст с гаком, проснулся от невыносимой, нестерпимой, нудной, ноющей и крайне мучительной ломоты в пояснице, и так как оную поясницу не только ломило, но в ней вдобавок к тому же стреляло, то оный Кочерга, прозванный за свою нечесаную бородатость архиереем, счел нужным, кряхтя, сопя и бормоча под похожий на выпеченную в золе картошку нос, реагировать на столь нежелательное, недопустимое и тяжкое состояние и отправиться в вышеупомянутый центр, в больницу, находящуюся в ведении уздравотдела и помещающуюся на базарной площади имени Международного женского дня восьмого марта, возле будки, где продаются пироги.

В больнице, в темном, замызганном, заплеванном, зашарканном сапогами, валенками, лаптями, калошами коридорчике Кочергу встретила некая остроносая, с плутовскими, по-мышиному бегающими глазками, личность, в старом, явно ко-

ричневом, крайне поношенном пиджачишке, заявившая, что готова оказать помочь, ежели будет могарыч, на что Онуфрий Кочерга, кряхтя, охая и шморгая носом, заметил, что поясницу, по всей вероятности, ломит к дождю, а что же касается могарыча, то он, Кочерга, порядки знает и будет жалиться на фершалей, каковые просят деньги за бесплатное лечение, и отправится в губернию, к самому прокурору, чтобы вывести таких шкодливых лекарей на свежую воду.

Когда следователь, молодой, но старый, отзывчивый, чуткий, внимательный, не пьющий и не курящий, партиец, вызвал на допрос фельдшера Семена Лукича, последний показал, что по всей совокупности фактов видимо тут кто-то надурил, ибо он дело свое знает и облегчает страждущих, но что у него страждущие — скоты, ибо он фельдшер ветеринарный и обязан лечить худобу, но не людей, и такого пациента сроду не видал, а посему считает предъявление статьи 114-й недоразумением, ибо он, фельдшер, хотя и ветеринарный, но вполне сознательный и никаких взяток даже борзыми щенками не брал и не берет.

....

Михаил Кольцов

О НРАВАХ ЗАХОЛУСТИНСКА

Прежде чем говорить о нравах уездного города Захолустинска, позволю себе сказать несколько слов о Лондоне.

Как всем известно, пыль столетий покрывает стены Вестминстерского аббатства, гранитную лужайку Трафальгарского сквера и внушительный живот полисмена, олицетворяющего мощь великой Британии на перекрестке Оксфорд-Стритта.

Я не имею чести состоять фельетонистом „Таймса“ (хотя позволю себе заметить, что подписчикам этого достопочтенного органа было бы полезней читать, не скажу—мои, но, если хотите,—наши фельетоны), тем не менее я имел сомнительное удовольствие присутствовать на том балаганном представлении, которое писаками из Скотланд-Ярда именуется большим парламентским днем.

Нужно присутствовать самому, чтобы в полной мере оценить акробатические способности гнусных разновидностей дряхлого парламентаризма.

Ллойд-Джордж, эта старая лисица с благопристойными манерами джентльмена с большой до-

роги, вилял либеральным потрепанным хвостом. Извините за выражение, Рамзай Макдональд показал высшую форму социал-предательства, влезши к его величеству королю Георгу без помощи казанского мыла. Наконец, Чемберлен—эта достопочтенная обезьяна с моноклем и шанхайская гиена в смокинге—продемонстрировал непреклонную твердолобость матерого консерватора.

Нужно ли ко всему сказанному добавлять, что нравы нашего Захолустинска ни в малейшей степени не похожи на нравы Лондона!

Полагаю, что сами читатели сделают соответствующие выводы. Конечно, не в пользу последнего. И правильно поступят.

Л. Сосновский

ЛЮБОВЬ И КАРТОШКА

Недавно на одном из диспутов, где мне пришлось выступить по вопросу о бэконном свиноводстве и концертах Персимфанса, в числе полученных мною записок имелась одна следующего содержания:

„Товарищ Сосновский! Я умираю от безнадежной любви к Марусе. Посоветуйте, что мне делать?“

Нужно ли говорить о том, что умирать вообще, а тем более от безнадежной любви в то время, когда мы восстанавливаем наше сельское хозяйство, значит проявить величайшее малодушие, достойное справедливого осуждения со стороны рабкоров и селькоров?

Анонимный корреспондент может мне возразить:

— Вам-де, товарищ Сосновский, легко говорить. Вы-де, мол, забываете, что „любовь — не картошка“.

Прекрасно. А позвольте вас спросить, много ли вы понимаете в этой самой картошке? Умеете ли вы ее высаживать, окучивать, убирать и хранить? Знакомо ли вам молочное хозяйство и разведение кенафа и донника?

Нет никакого сомнения в том, что ни вы, ни ваше обоже не смыслите во всем этом ни уха, ни рыла.

А между тем каждому мало-мальски грамотному человеку известно, что нормальная, сознательная курица может дать в месяц 30 экспортных яиц, или 360 в год, или 36000 в 100 лет.

Помножив это число примерно на 1.000.000 куроводов, мы получим такое количество высокосортных яиц, которыми можно засыпать не только буржуазную Европу, но и Америку!

Спрашивается, не лучше ли заняться куроводством, чем умирать (!) от безнадежной (!!) любви (!!!) в эпоху тракторизации и мелиорации, то-есть обнаружить вопиющее невежество — качество, тормозящее нашу агрикультуру?

К слову сказать—о тормозах.

Лишний раз приходится убеждаться в том, что интереснейшее изобретение, каким является тормоз товарища Казанцева, злостные спецы старого закала пытаются похоронить в катакомбах волокиты и бюрократизма.

И лишний раз приходится утверждать, что им не удастся ни затормозить наш советский тормоз ни заткнуть рты нашей общественности в лице ее фельетонистов, ветеринаров и ученых куроводов.

....

В. Шкловский

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ МОНТАЖ

Я пишу сидя.

Для того, чтобы сесть, нужно согнуть ноги в коленях и наклонить туловище вперед.

Не каждый, умеющий садиться, умеет писать.

Садятся и на извозчика.

От Страстной до Арбата извозчик берет рубль.

Седок сердится.

Я тоже ворчу.

Седок нынче пошел не тот.

Но едем дальше.

Я очень сентиментален.

Люблю путешествовать.

Это потому, что я гениальнее самого себя.

Я обожаю автомобили.

Пеший автомобилю не товарищ.

Лондон славится туманами и автомобилями.

Кстати о брюках.

Брюки не должны иметь складок.

Так же, как полотно кино-экрана.

В кино важен не сценарист, не режиссер, не оператор, не актеры и не кино-механик, а — я.

Вы меня еще спросите, что такое фабула?

Фабула не сюжет, и сюжет не фабула.

Сюжет можно наворачивать, разворачивать и поворачивать.

Кстати, поворачиваю дальше.

В Мурманске все мужчины ходят в штанах, потому что без штанов очень холодно.

Чтобы иметь штаны, нужно иметь деньги.

Деньги выдают кассиры.

Мой друг Рома Якобсон сказал мне:

— Если бы я не был филологом, я был бы кассиром.

Мы растрачиваем золото времени, накручивая кадры забракованного сценария.

Лев Толстой сказал мне:

— Если бы не было Платона Каратаева, я написал бы о тебе, Витя.

Толстой ходил босиком.

Босяки Горького вгрызаются в сюжет.

Госиздат грызет авторов.

Лошади кушают овес.

Волга впадает в Каспийское море.

Вот и все.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Н. Асеев. О воробье 7
Д. Бедный. Обо всем понемножку 9
А. Безыменский. О комсомоле 11
М. Герасимов. Железное желе 13
А. Жаров. Магдалиниада 14
В. Инбер. О мальчике с лишаями 16
В. Инбер. Заяц и слониха 18
В. Каменский. Сгарамба тара 20
В. Кириллов. Похороны 21
Крестьянский поэт. Раздвоение 22
В. Маяковский. Разговор с Пушкиным . . 24
В. Маяковский. Москва—Мадрид 27
П. Орешин. Ржаная душа 32
П. Радимов. Сморкание 33
С. Третьяков. Строчи, катай 34
И. Уткин. О рыжем Абраше 36
Халтурное 39

Октябрины:

1. Казин 42
2. Асеев 43
3. Маяковский 46
4. Крестьянский поэт 48

Сказки для детей:

В. Маяковский 49
В. Инбер 53
И. Уткин 55

7*

Стр.
И. Бабель. Мой первый сценарий 59
Ф. Гладков. Главцемент 62
Е. Зозуля. Рассказ об Якцидраке 66
М. Зощенко. Случай в бане 71
С. Клычков. Клычкухинский чертякирь . . 74
П. Романов. Проблема пола 76
С. Малашкин. Необыкновенный молодняк 79
И. Калинников. Монастырская идиллия . . 81
Пролетписатель. Стальная любовь . . . 82
Крестьянский писатель. Кочетиная судорога 83
Компинкертон 84
А. Зорич. Поясница 91
М. Кольцов. О нравах Захолустинска . . . 93
Л. Сосновский. Любовь и картошка . . . 95
В. Шкловский. Сентиментальный монтаж . . 97

Цена 90 коп.

Кооперативное издательство писателей
„Никитинские субботники"
Москва — улица Герцена — дом 10/2